

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ ПРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КЛЮЧЕВЫМИ ЛЕКСЕМАМИ «DER GEVATTER» И «КУМ» В РАМКАХ СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

EXPLICATION OF NATIONAL
AND VALUABLE PARAMETER
IN PAREMIOLOGICAL UNITS
WITH KEY LEXEMES OF "DIE WITWE"
AND "WIDOW" IN THE CONCEPT
OF THE COMPARATIVE
ETHNOLINGUISTIC ANALYSIS

**A. Guseva
E. Shimko**

Summary. Article is devoted to a research of national and cultural representation of paremiological units with key lexemes of «der Gevatter» and «godmothers» within the comparative and comparative ethnolinguistic analysis. In work the comparative and comparative ethnolinguistic description of paremias is carried out with use of the author's method of the cultural contrast directed to determination of ethnocultural specifics, based on identification of the general and distinctive opportunities of expression of national cultures in a phraseological picture of the world on material of the German and Russian languages.

Keywords: ethnolinguistics, comparative studying, German and Russian languages, paremiological units, lexemes of «der Gevatter» and «godmothers», cultural contrast, national and cultural features.

Гусева Алла Ефимовна

*Д.филол.н., профессор, ГОУ ВО МО «Московский
государственный областной университет»
angst51@rambler.ru*

Шимко Елена Алексеевна

*К.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Мичуринский ГАУ»,
(г. Мичуринск)
Shimko_elena@inbox.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию национально-культурной представленности паремиологических единиц с ключевыми лексемами «der Gevatter» и «кум» в рамках сравнительно-сопоставительного этнолингвистического анализа. В работе сравнительно-сопоставительное этнолингвистическое описание паремий осуществляется с использованием авторского метода культурного контраста, направленного на определение этнокультурной специфики, основанного на выявлении общих и отличительных возможностей выражения национальных культур во фразеологической картине мира на материале немецкого и русского языков.

Ключевые слова: этнолингвистика, сопоставительное изучение, немецкий и русский языки, паремиологические единицы, лексемы «der Gevatter» и «кум», культурный контраст, национально-культурные особенности.

На современном этапе развития сопоставительного языкознания наблюдается повышение научного интереса к исследованию паремиологических единиц с привлечением этнолингвистических методов анализа семантических значений, что соответствует современному направлению, которое позволяет увидеть взаимодействие языкового содержания и формы целостных и частных компонентов системы, динамику развивающихся знаний о них, формирование сознания, духовную культуру народа как знак языка, факты этнографии и тексты фольклора [7; 8]. Целесообразность подобного подхода обусловлена, в частности, невозмож-

ностью рассмотрения целого ряда важнейших языковых явлений в отрыве от условий функционирования общества, развития его культуры.

В настоящей статье имеет место сравнительно-сопоставительное этнолингвистическое описание немецких и русских паремий с ключевыми лексемами «der Gevatter» и «кум» с применением авторского метода культурного контраста, направленного на определение интегративных и национально-специфических черт немецкой и русской лингвокультур, в ходе этнолингвистического комментария.

Изучим этническое предназначение кума в немецкой и русской фразеологических картинах мира на примере паремий с ключевыми лексемами «der Gevatter» и «кум».

В немецком языке образ кума представлен как: «Gevatter hin, Gevatter her, der Arsch gehört in die Hosen». Выделим ключевые слова «der Arsch» и «die Hosen». Обратимся к этимологическому экскурсу данных лексических единиц.

Древнегерманская лексема «der Arsch» в значении 'зад' встречалась в средневерхненемецком, древневерхненемецком — «ars», нидерландском — «aars», английском — «arse», шведском — «ars» и имела родственную связь со словами в других индоевропейских языках, восходящих к индоевропейской основе «*orso-s» — 'зад (возвышенность, выделяющаяся на теле человека)'. Сравните, например: хеттский «arraš» — 'зад' и греческий «órrōs» — 'зад' [12, S. 49]. В современном немецком языке слово «der Arsch» отражает семы: 'зад, задница', 'вульгарное: дурак, глупец' [13, S. 182].

Следовательно, лексема «der Arsch» указывает на 'нижнюю заднюю часть человеческого тела'.

Слово «die Hosen» имеет соответствия в средневерхненемецком, древневерхненемецком «hosa» — 'одежда, закрывающая ноги', древнесаксонском «hosa» — 'разновидность охотничьих чулок', древнеанглийском «hosa» — 'чулки, брюки или обувь', древнеисландском «hosa» — 'брюки', восходящие к германской основе «*husōn», символизирующей во времена древних германцев ремень из сукна или кожи, который затягивали вокруг голеня. Германская лексема обладает значением 'покрытие, оболочка' и соотносится с индоевропейским корнем «*[s]keu-» — 'покрывать, обволакивать' и далее родственно основам «Haus» и «Hot». В начале XIX в. в немецком языке обозначало 'брюки' исключительно как предмет одежды, закрывающий ноги, позднее — живот и бедра. В XVI в. использовалось для наименования 'мужских панталон' [12, S. 347]. В современном немецком языке за лексической единицей «die Hosen» закрепились значения: 'предмет одежды, закрывающий от талии все ноги полностью', 'кальсоны, трико', 'зоологическое: сильное оперение ног у определенных хищных птиц (например: орел, сокол)' [13, S. 885].

Отметим, что в составе пословицы присутствует идиома «hin und her», которая содержит указание на 'непостоянность, разносторонность действий' [11, с. 325].

Отсюда заключим, что образ паремии: «Gevatter hin, Gevatter her, der Arsch gehört in die Hosen» восходит к архетипическому противопоставлению «внешнего» и «внутреннего» мира человека. Компонент «der Arsch» как противоположная передней части тыльная сторона,

отмеченная внешней неприглядностью и качественной неполнотой, не несет личностных черт.

Компонент «die Hosen» связывается с вещным кодом культуры, обозначая предмет традиционной мужской одежды.

Образ пословицы в целом создается метонимическим отождествлением, в которое также вкраплены синекдоха: «der Arsch» — это часть человеческого тела; здесь она воспринимается как сам человек, его намерения, планы. Компонент «die Hosen» подчеркивает внешнее пространство, скрывающее внутреннее.

Образ кума в паремии «Gevatter hin, Gevatter her, der Arsch gehört in die Hosen» выступает как символ скрытности, хитрости, лукавства. Прокомментируем данное качество характера кума с этнокультурной точки зрения.

В Германии большое внимание отводили выбору крестного отца. Число их достигало трех, а иногда — пяти-шести человек. В обязанность крестного входило дарить подарки на день рождения, при поступлении в школу. В связи с этим выбирали восприемника из числа богатых людей. На свадьбе и похоронах он играл значительную роль, чем родители.

Многие мужчины боятся нести материальную и духовную ответственность за ребенка и стараются найти способы, чтобы не быть крестным отцом [5].

В русской фразеологической картине мира образ кума, с одной стороны, связывается с ответственностью: «Кум да кум наставят на ум». Ключевое словосочетание паремии «наставят на ум» представляет собой идиому, эксплицирующую значение 'давать разумные советы, учить чему-либо хорошему' [2].

Объясним подобное поведение крестного отца в рамках культурных традиций русского народа. Согласно учению церкви, на крестного отца ложится обязанность воспитывать ребенка в православной вере. Он должен научить крестника основам христианской веры, человеческим добродетелям, любви, милосердию, доброте, уважительному отношению к старшим, состраданию. Когда ребенок подрастет, то нужно заботиться о его нравственном воспитании, убеждая, исправляя, советуя, проявляя отеческую любовь [4].

С другой стороны, — с гостеприимством: «Не быть у кума — не пить пива». Выделим ключевые слова-компоненты, характеризующие кума, — «пить» и «пиво».

Раскроем семантическое описание этих лексических единиц с позиции этнолингвистики.

Схема 1

Специфические значения немецких паремий с ключевой лексемой

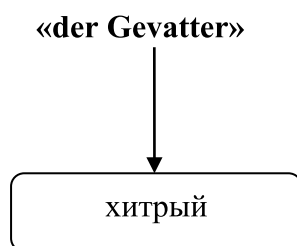
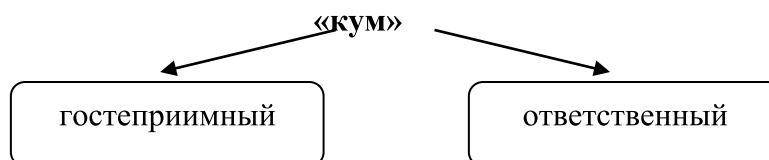

Схема 2

Специфические значения русских паремий с ключевой лексемой

Русское слово «пить» восходит к древнерусскому слову «пити» и распространено в ряде славянских языков: украинский — «пити», белорусский — «піць», старославянский — «ПИТИ», болгарский — «пия», сербохорватский — «пѣти», словенский — «píti», чешский — «píti», словацкий — «piť», польский — «pić», верхнелужицкий — «pić», нижнелужицкий — «piś». Родственно за счет праславянской основы «*rōi: *rī» древнеиндийскому «pibati» — 'пьет', «pítas» — 'выпитый', «pítis» — 'питье', греческому «πίνω» — 'пью', латинскому «bibo» — 'пью', албанскому «pi» — 'пью', ирландскому «ibim» — 'пью'. Связано чередованием гласных с литовским «puotà» — 'попойка, пирушка', латинским «pōtus» — 'выпитый, пьяный', греческим «πόσις» — 'питье', древнепрусским «poieiti» — 'пейте', древнеиндийским «pāti» — 'пьет'. «pāyāyati», «pāyatē» — 'поит' [10, т. 3, с. 269]. В современном русском языке лексема «пропьет» означает: 'истратить, израсходовать на выпивку, пьянствуя', 'разговорное: повредить чему-либо (обычно способности, таланту), утратить что-либо в результате пьянства', 'провести время в пьянстве', 'устаревшее: просватать, завершив, по старинному обряду, сватовство выпивкой' [3].

Однако в культуре древних славян питье — часть языческого культа. Согласно которому славяне во время пиров пускали вкруговую жертвенную чашу, произнося при этом заклинания богов. Формулы своеобразных заклятий, благословений, звучавших при питье в Киевской Руси, дошли до нас в надписях на чарах. В древнерусских поучениях против язычества не раз говорится о наполнении черпал и питии чаш в честь бесов, под которыми подразумеваются, очевидно, языческие боги. Соответ-

ственно в старинных требниках обычным исповедным вопросом было: «Молилась бесам или чашу их пила?». И в более позднее время, несмотря на осуждения церкви, пьянство, обжорство, а также сквернословие и другие формы антиповедения устойчиво сохранялись во многих народных праздниках и обрядах, имеющих языческие корни.

Питье имело обязательный характер при встрече гостя, во время церемониальной или обрядовой трапезы, что приводило к бытовому и ритуальному пьянству. «Кто не пьет лихо, тому нет места у русских», — писал швед Петр в начале XVII в. Иностранцы неоднократно отмечали специфическую манеру русских пить водку не прерываясь. В былинах святорусские богатыри выпивают без остановки огромные чаши, которые им подносит Владимир-князь и тем доказывают свою готовность к ратным подвигам. По свидетельству англичанина Климента Адамса, царь Иван Грозный также выпивал чашу «одним духом».

Павел Алеппский (XVII в.) рассказывает о том, что в конце одного обеда гости «выпили чаши за здоровье хозяина и хозяйки, осушая их до капли, ибо у них обыновение, что кто не осушает чашу, то считается отъявленным врагом, потому что не выпил за полное здоровье хозяина дома». Как отмечал С. Гербенштейн (XVI в.), русские пьют чашу до дна и при этом говорят, что они желают великому князю «удачи, победы, здоровья и чтобы в его врагах оставалось крови не больше, чем в этой чаше». В этом случае актуализировалась символическая связь вина с кровью, и питье чаши приобрело характер магического акта [1, с. 148–156].

Происхождение слова «пиво» соотносится с украинским — «пиво», древнерусским — «пиво», болгарским — «пиво», сербохорватским — «пйво», словенским — «pivo», чешским, словацким — «pivo», польским, верхнелужицким, нижнелужицким — «pīwo» [10, т. 3, с. 258]. В современном русском языке означает 'слабый алкогольный пенящийся напиток, приготавливаемый обычно из ячменного солода' [9, т. 3, с. 254].

В русской культуре пиво являлось неизменным атрибутом пира, праздника и веселья. В Костромской губернии к Святой неделе варили кузьмодемьяновское или моленное пиво, которое сливали в бочонок, при зажженных перед образами свечах, помолясь, выпивали за любовь, дружбу.

У русских угощение пивом связывалось с магией плодородия и имело значение оберега. Верили, что пожар, вызванный молнией, можно было потушить пивом, квасом, яйцами, но отнюдь не водой; чтобы огонь такого пожара не распространялся дальше, в пламя бросали обруч с пивной шайки (русские).

В качестве магического лечебного и апотропейного средства использовалась пивная гуща, оставшаяся по-

сле приготовления напитка. При трудных родах роженице давали выпить солода (русские). Отелившейся короле для того, чтобы скорее отошел послед, также давали ячмень или ячменный солод (русские)-[6].

Следовательно, пословица «Не быть у кума — не пить пива» выступает в роли эталона полноты чувств человека, его открытости, гостеприимства.

Итак, национально-культурная представленность паремиологических единиц с ключевыми лексемами «der Gevatter» и «кум» в немецкой и русской картинах мира имеет специфический характер:

Таким образом, важным фактором изучения фразеологии является развитие этнолингвистического направления, ориентирующего исследователя на сопоставленность компонентов паремиологических единиц с категориями культуры и менталитета, свойственными носителям разных языков. Исследование паремий двух и более языков может служить лингвистической основой постижения действительности, отображению национально-культурной специфики немецкого и русского народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбурун А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: Этнографические очерки / А.К. Байбурун, А.Л. Топорков. — Л.: Наука, 1990. — 165 с.
2. Наставить на ум [Электронный ресурс]. URL: <http://www.phraseology.academic.ru> (Дата обращения: 23.07.2018).
3. Пропить [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kartaslow.ru> (Дата обращения: 19.04.2018).
4. Роль крестных родителей в жизни человека [Электронный ресурс]. URL: <http://www.missia.od.ua> (Дата обращения: 23.07.2018).
5. Семейная и общественная жизнь немцев [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.com>evropa/814-semeinaja-nemcev.html> (Дата обращения: 30.07.2018).
6. Славянская мифология. Энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Толстая. — М.: Международные отношения, 2011. — 512 с.
7. Толстая С.М. Образ мира в тексте и ритуале / С.М. Толстая. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. — 528 с.
8. Толстой Н.И. Антропоморфные надгробия / Н.И. Толстой // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. — М.: Индрик, 1995. — С. 206–212.
9. Ушаков Д.И. Толковый словарь русского языка / Д.И. Ушаков. В 4 т. Т. 1. — М.: ТЕРРА, 1996. — 824 с.; Т. 2. — М.: ТЕРРА, 1996. — 520 с.; Т. 3. — М.: ТЕРРА, 1996. — 712 с.; Т. 4. — М.: ТЕРРА, 1996. — 752 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. В 4 т. Т. 1. — М.: Астрель: АСТ, 2004. — 588 с.; Т. 2. — М.: Астрель: АСТ, 2009. — 671 с.; Т. 3. — М.: Астрель: АСТ, 2007. — 830 с.; Т. 4. — М.: Астрель: АСТ, 2009. — 860 с.
11. Шекасюк Б.П. Новый немецко-русский фразеологический словарь / Б.П. Шекасюк. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 864 с.
12. Duden C. Etymologie: Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache / C. Duden. — Mannheim, Zürich, 2007. — 960 S.
13. Duden C. Deutsche Universalwörterbuch / C. Duden. — Mannheim, Zürich, 2011. — 2112 S.

© Гусева Алла Ефимовна (angst51@rambler.ru), Шимко Елена Алексеевна (Shimko_elena@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»